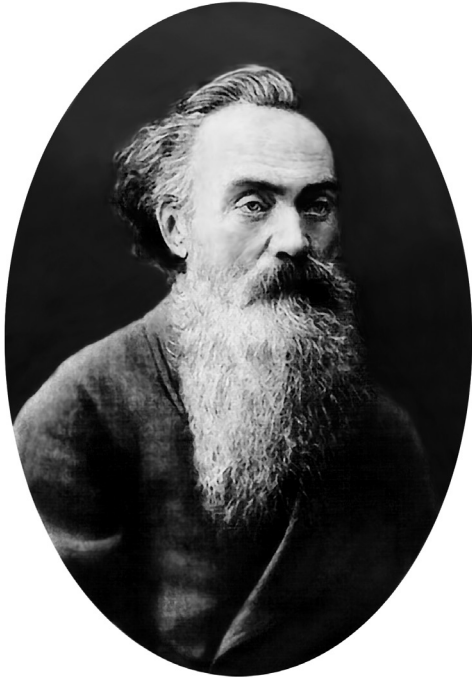

Н. Н. СТРАХОВ: PRO ET CONTRA

*Личность и творчество Н. Н. Стрхова
в оценке русских мыслителей и исследователей*

АНТОЛОГИЯ

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2021

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырев (председатель), В. Е. Багно, С. А. Гончаров,
А. А. Ермичев, К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, В. Ф. Федоров*

Ответственный редактор тома

Д. К. Богатырев

Составитель

С. М. Климова

Рецензенты:

*А. Л. Доброхотов — доктор философских наук,
ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
В. Н. Порус — доктор философских наук,
ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики»*

*Издание подготовлено при поддержке РНФ проведения
фундаментальных научных исследований и поисковых
научных исследований от 23 апреля 2019 г. № 19-18-00100
«Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном
пространстве Запада: критика, рецепция, диалог»,
а также при поддержке факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Н. Н. Страхов: pro et contra, антология / Сост., вступ. ст., коммент.

Н 11 С. М. Климовой. — СПб.: РХГА, 2021. — 852 с.

ISBN 978-5-907309-21-0

Настоящая антология, посвященная публицисту, переводчику, редактору и сотруднику литературных журналов Николаю Николаевичу Страхову, охватывает философско-публицистическое наследие философа. Книга рисует образ Страхова в историческом и современном научных контекстах. В антологии представлены как фрагменты текстов самого философа, так и отрывки из мемуаров, очерков, эпистолярных «исповедей» его современников и интерпретаторов — Л. Н. Толстого, А. А. Фета, Н. Н. Грота и др. Почти детективный интерес представляют разделы, связанные с экзистенциально-историческим спором философа с В. С. Соловьевым вокруг теории Н. Я. Данилевского и печально-знаменитым заочным конфликтом с Ф. М. Достоевским внутри «пограничных видов литературы». В заключительном разделе Страхов предстает как метафизик, ученый и в то же время религиозный человек.

Антология будет интересна не только специалистам в области русской философии, литературоведения, истории, но и самому широкому кругу читателей.

На фронтисписе:

Н. Н. Страхов. 1890-е годы

© Климова С. М., составление, вступ. статья, комментарии, 2021

© Русская христианская гуманитарная академия, 2021

© «Русский Путь», название серии, 1993

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках книгу из серии «Русский Путь» «Н. Н. Страхов: pro et contra», представляющую рецепцию личности и творчества русского публициста, переводчика, редактора и сотрудника литературных журналов Николая Николаевича Стрхова (1828–1896).

В 2019 году РХГА праздновала 30-летие своей научно-педагогической и просветительской деятельности. Серебряный юбилей отметила и серия «Русский Путь», являющаяся важным достижением РХГА. Число томов серии в 2019 году превысило полуторасотенный рубеж. «Русский Путь» открылся в 1994 году антологией о Н. Бердяеве. В результате четвертьвековой исследовательской и издательской работы перед читателями предстали своего рода «малые энциклопедии» о М. Ломоносове, Н. Карамзине, П. Чаадаеве, А. Пушкине, М. Лермонтове, Ф. Тютчеве, Н. Гоголе, В. Белинском, М. Бакунине, А. Сухово-Кобылине, А. Герцене, М. Салтыкове-Щедрине, Н. Чернышевском, И. Тургеневе, Л. Толстом, К. Леонтьеве, В. Ключевском, Вл. Соловьеве, В. Розанове, Н. Лескове, А. Чехове, А. Блоке, П. Флоренском, В. Эрне, С. Булгакове, И. Ильине, М. Зощенко, М. Булгакове, В. Набокове, Н. Заболоцком, Д. Шостаковиче, А. Твардовском, Л. Гумилеве, Л. Шестове, В. Хлебникове, Б. Пастернаке, А. Ахматовой, М. Горьком и других персонах. Готовятся книги о Н. Некрасове, Ф. Достоевском, Д. Гранине. В числе книг, посвященных деятелям искусства, — антологии о П. Чайковском, Д. Шостаковиче, С. Эйзенштейне, Е. Бауэре, Л. Бетховене, М. Глинке, готовится том о С. Прокофьеве.

Целый ряд книг представляет российскую рефлексию идейного наследия зарубежных мыслителей — Сократа, Платона, Августина, Данте, Боккаччо, Сервантеса, Макиавелли, Спинозы, Руссо, Вольтера, Дидро, Канта, Шеллинга, Ницше, Бергсона, Витгенштейна, Хайдеггера, в планах издание книги о Расселе.

«Русский Путь» изначально задумывался как серия книг не только о мыслителях, но и демиургах отечественной культуры и истории. Увидели свет антологии о творцах российской политической истории и государственности,

царях — Алексее Михайловиче, Петре I, Екатерине II, Павле I, Александре I, Николае I, Александре II, Александре III и Николае II. Готовятся книги о Петре III и царевне Софье. К ним примыкают антологии о выдающихся государственных деятелях — М. Кутузове, К. Победоносцеве, П. Столыпине. Опубликованы сборники, посвященные лидерам стран антигитлеровской коалиции — И. Сталину, У. Черчиллю, Ф. Д. Рузвельту и Ш. де Голлю. К столетней годовщине Революции осуществлены издания антологий о ее демиургах — А. Керенском, Л. Троцком и В. Ленине. В 2018 году, к столетию начала Гражданской войны, вышли в свет книги о политически значимых лидерах Белого движения — А. И. Деникине, П. Н. Врангеле, А. В. Колчаке. Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Последние могут быть выражены различными терминами — универсалии культуры, мифологемы, формы общественного сознания, категории духовного опыта, типы религиозности. В последние годы работа в указанном направлении заметно оживилась. Осуществлена публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию важнейших духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Опубликованы антологии, посвященные российской рецепции христианских конфессий — православия, католицизма, протестантизма. Проведена работа по осмыслению отечественной рефлексии ключевых идеологий Нового времени. Увидели свет пять антологий: «Либерализм: pro et contra», «Национализм: pro et contra», «Социализм: pro et contra», «Анархизм: pro et contra», «Консерватизм: pro et contra». Опубликованы четыре тома, отображающие оценку феномена русской классики. Первый том охватывает Золотой век, второй — Серебряный, третий — Железный. Четвертый дает представление об отношении к русской классике в мировой культуре. В этом же ряду книги, посвященные переосмыслению ключевых исторических событий начала XX века: «Революция 1917 года: pro et contra» и «Красное и белое: pro et contra», представляющая все разнообразие позиций русской эмиграции по Гражданской войне.

За четверть века модель изданий трансформировалась от антологии, включающей классические тексты, к смежному жанру антологии/коллективной монографии, которая содержит тексты современных исследователей, подобранные в стилистике «pro et contra». Это обусловлено повышением уровня современных дискурсов, действующие исследователи вступают в полемику с классиками зачастую на равных. Обозначенные направления работы обычно дополняются созданием расширенных (электронных) версий антологий. Поэтапное структурирование таких информационных ресурсов может привести к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Увеличение в составе серии доли книг, посвященных феноменам культуры, способствует достижению этой цели. Очерченная перспектива развития проекта является долгосрочной и требует значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. Поэтому РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что данный проект несет в себе как научно-образовательную ценность, так и духовный смысл.

С. М. Климова *
«МИР» Н. Н. СТРАХОВА,
ИЛИ «ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕК?»

В название статьи вынесен вопрос, волновавший не только создателя «Мира как целое», но и его именитых визави — творцов века XIX-го и зачинателей грядущего века — XX-го. Безусловно, такая формулировка возникла у Н. Н. Страхова не только как отголосок естественнонаучных дискуссий 50–60-х годов о природе, содержании и совершенствовании человека. В ней слышится и знаменитое кантианское обобщенное вопрошание о том, «что такое человек?» в специфически русском звучании — чем он может и каким он должен быть, чтобы быть значимой (или даже центральной) частью мира. Речь не об абстрактной личности, типе исследуемого «объекта». «Вместо сущности нужно взять деятельность, вместо постоянного — переменное, вместо души — жизнь. Тогда мы убедимся, что нет существа более разнообразного, менее подчиненного каким бы то ни было ограничениям, более общего, и следовательно, совмещающего в себе больше противоречий, чем человек»¹.

То есть человек может быть как добрым, так и злым, щедрым и скупым, сдержанным и порывистым, «куском круглого душистого мыла» и «со складкой», отрешенным монахом и неудержимым говоруном — он весь в «возможности», которая переходит в действительность, судящую его не всегда бесстрастно, зачастую и вовсе вопреки его намерениям. Зато такой человек изначально свободен и может по своему усмотрению распорядиться своим миром в целом и в частностях. Это, конечно, о Николае Николаевиче Страхове, но не только о нем.

Содержание настоящей антологии должно быть просмотрено сквозь данную оптику. Ее разделы структурированы и статьи в них подобраны

* *Климова Светлана Мушаиловна* — доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ (Москва).

¹ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. М., 2007. С. 196.

таким образом, чтобы читатель смог увидеть образ русского философа в интерьере эпохи сер. XIX — нач. XX века. Начинается антология с мемуаров, очерков, эпистолярных авто- и иных «признаний». Затем было выбрано несколько наиболее философски значимых текстов/фрагментов из наследия Страхова с их последующей научной аналитикой. Думается, многим будут интересны два раздела, связанных с экзистенциально-историческим спором Страхова с В. С. Соловьевым и почти детективными изысканиями по поводу печально-знаменитого конфликта с Ф. М. Достоевским внутри «пограничных видов литературы» (Л. Гинзбург). В заключительном разделе Страхов представлен как метафизик, ученый и религиозный человек главным образом с точки зрения современного прочтения его текстов.

Таким образом, антология составлена так, чтобы максимально наглядно представить живого, наполненного идеями, чувствами и переживаниями русского мыслителя XIX века, погрузить читателя в атмосферу pro et contra его судьбы и наследия, тесно переплетенной с историей и судьбой поколения.

Ядром личности Н. Н. Страхова является «гегелевское» противоречие, которым он, кажется, никогда не пользовался, но вполне ему соответствовал². С одной стороны, он — созерцателен, деликатен, безотказен в помощи и сотрудничестве и несколько «безжизненный» библиофил (*Homo Legens*) и эстетик, признающийся в бескорыстной любви к прекрасному — будь то слово, картина природы или разговор с добрым другом; с другой стороны, — это цельный (обладатель цели), активный труженик, мыслитель-рационалист, любитель «индюшек и Гегеля», действительный статский советник, работавший в библиотеке и всю жизнь как поденщик писавший для разных журналов критические и философские статьи. Непоправимо милый сплетник, друг-враг, философ-публицист, равнодушный к истине семинарист и ярый почвенник и борец с Западом. Таких противопоставлений и столкновений в антологии — хоть отбавляй. Но собранные под единым сводом — они по-

² Приведем высказывание по этому поводу Н. З. Бросовой, которая заметила, что Страхов практически никогда не использовал ни гегелевского понятия «борьбы противоположностей», ни «противоречия», несмотря на то, что считал себя приверженцем именно гегелевского диалектического метода. Причины в том, что они «не согласовались с традиционной аристотелевской логикой, которую воспроизводила естественнонаучная парадигма 19 в. <...> противоречили основам христианского (православного) вероучения <...>; принцип противоречивости, последовательно развернутый и распространенный на сферу социального, выступал стимулом и санкцией для всевозможных центробежных процессов в обществе, что для Страхова было принципиально не допустимым. Можно сказать, что он интерпретировал гегелевскую диалектику в духе российских интеллектуальных и ценностных традиций» (*Бросова Н. З. Страхов как историк философии // Credo. 2000. 1. С. 22*).

зволюют нам по-новому увидеть русского человека «в возможности» и «действительности».

В своей вступительной статье я хочу сделать две ремарки. Одну вначале, другую — в конце. Важной составляющей разговора — биографического и одновременно полемического характера — является тема «русского семинариста». Это сословие стало значимым элементом истории в конце 40-х; в начале 60-х годов XIX века оно было призвано сыграть огромную роль не только в умонастроениях, но и в политической истории России XX века. Поэтому позволим себе небольшой исторический экскурс.

В свое время М. К. Петров заметил, что университеты в Европе порождены двумя причинами: майоратом — наследованием всего имущества старшим братом и безбрачием священников. В Западной Европе нужна была система формального обучения для решения юридического и экономического вопросов: куда девать «лишних» сыновей. Это и привело в итоге к развитию и укреплению европейской науки.

В России же священники традиционно выпестовывались семейным кругом, и отношение к обучению детей вне дома было резко отрицательным. С 40-х годов формальное обучение для священников давала лишь семинария (так как учеба и проживание осуществлялись за казенный счет, что было немаловажно при повальной бедности данного сословия). Она оказалась практически безальтернативной формой образования для молодых «поповичей». Об ужасах быта в таких заведениях осталось немало воспоминаний бывших семинаристов³. «Однако постоянная материальная нужда, незнательность происхождения, отсутствие привилегий выработывали характерную для разночинцев жизненную стойкость, трезвое отношение к жизни. <...> Из поколения в поколение переходила, выковываемая в постоянной борьбе за существование воля, привычка полагаться только на себя, упорное стремление улучшить свою жизнь»⁴.

Сложившаяся ситуация — результат политики Николая I, который после 1825 года прекрасно понял ненадежность дворянской «опоры» и стал активно разбавлять потомственное дворянство разночинными группами (а также чиновничьим классом), дав им возможность и образования, и учебы в светских заведениях. Благодаря его реформам, многие «недворяне» стали дворянами; разночинцам стали доступны университеты (хотя и с известными препятствиями). Светское образование было ценно как возможностями карьерного

³ Одним из самых известных был текст Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы» (Современник. 1862).

⁴ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978. С. 15–16.

роста и финансовой стабильностью, так и шансом попасть в высшие слои общества. В итоге «в 60-е годы на культурной сцене появилась новая социальная группа — разночинная интеллигенция, состоящая из образованных молодых людей разного социального происхождения (большей частью выходцев из церковной и мелкобуржуазной среды) <...> идеология и стиль поведения новой интеллигенции стали заметным присутствием в жизни общества»⁵.

В. К. Кантор назвал духовное сословие «вторым эшелонем русского просветительства». Вторым всегда тяжелее. После окончания вузов у таких юношей почти не было другой стези, кроме педагогической, литературной или издательской. Зачастую им очень сложно было преодолеть естественное фанфаронство потомственных дворян, вовсе не желавших давать моральных предпочтений выбившимся из «грязи в князи» новым людям. «Клоповоняющим господам» (экспрессивное определение, данное Н. Г. Чернышевскому молодым Л. Н. Толстым) тяжело было пробиваться сквозь спесь природных *comme il faut*. Но тех, кто успешно преодолевал преграды, ждали лидирующие позиции и в литературе (Н. Г. Помяловский), и в литературной критике (Н. И. Надеждин, Н. А. Добролюбов, В. Г. Белинский (по деду)), и в науке (А. П. Куницын, В. И. Ключевский, И. П. Павлов), и в философии (В. В. Розанов (по деду), Н. Н. Страхов) и даже «мученические венцы» на политической арене (Н. Г. Чернышевский). Все помнят историю первого реформатора России М. М. Сперанского — сына дьячка и выпускника Александро-Невской семинарии, которую позже возглавлял арх. Нафаналил (Николай Иванович Савченко) — дядя Н. Н. Страхова. Его происхождение, кстати, стало причиной знаменитого почвеннического «выпада» Достоевского: «Сперанскому *ничего не стоило* (курсив мой. — С. К.) проектировать создание у нас сословий, по примеру английскому, лордов и буржуазию и проч. С уничтожением помещиков семинарист мигом у нас воцарился и наделал много вреда *отвлеченным пониманием и толкованием* вещей и текущего (курсив мой. — С. К.)» (Достоевский. ПСС, т. 24, 241). Вывод говорит сам за себя.

Постепенно была создана среда для умственной и отвлеченной, но одновременно и для многочисленной и неприкаянной, неустроенной разночинной интеллигенции, которой было суждено сыграть важную и роковую роль в истории и культуре России XX века. «Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу. Добролюбов и Чернышевский были сыновья протоиереев и учились в семинарии. Ряды разночинной “левой” интеллигенции у нас пополнялись в сильной степени выходцами

⁵ Паперно И. А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 10–11.

из духовного сословия. Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания»⁶. Позже многие «семинаристы» окажутся в эпицентре революционных событий в России, станут достойными продолжателями идеологии нигилизма, одинаково ненавидимой и критикуемой и Достоевским, и Страховым. Парадоксально, но именно семинаристская тема станет объектом наиболее сложных страниц дружеско-вражеских отношений этих двух наиболее близких, но психологически разных людей. Несмотря на всю «пролетарскую» тяжесть своей литературной жизни, Достоевский оказался не чужд того же презрения и некоторой «классовой» брезгливости к сословию «семинаристов-карьеристов», которой так явно не скрывал в молодости граф Толстой. Одному не угодил семинарист Чернышевский, другому — семинарист Страхов. Первому — за его однобокую партийную позицию, второму — за ее полное отсутствие. Как причудливо переплелась архивная память сословную «солидарность» таких ни в чем не похожих гениев-современников.

У Н. Н. Страхова было типичное семинаристское детство и бедная студенческая сиротливая юность. Об этом периоде прекрасно говорит его переписка с о. Иоанном Сквивским (публикация М. И. Щербаковой). Она позволяет увидеть душу не просто семинариста, но типичного молодого человека первой половины XIX века, так портретно похожего и на юного графа Толстого в своих характерных пороках и достоинствах, и на юного Достоевского, притесняемого своим суровым родителем и прошедшего трудный путь профессионального и личного становления.

С юности Страхова манила наука. О том, что он не собирался заниматься злободневными вопросами жизни «угорелых» беспочвенников и не был типичным ресентиментным «оппозиционером», жаждущим реванша за свое низкое происхождение, говорит защита им магистерской диссертации по зоологии, многолетняя работа простым учителем в гимназии, а затем в библиотеке и, конечно, его книга «Мир как целое» (1872), собранная из отдельных статей 1860-х годов. В этом мире человек взят во всем многообразии его абстрактных характеристик, главным образом из областей естественнонаучных, в оторванности от текучей и разнообразной жизни общества и культурной истории человечества. В ней ничто не напоминает ни о «хрустальных дворцах», ни о «баньках с пауками». Все строго, научно, отвлеченно.

Лишь познакомившись с братьями Достоевскими, Ап. А. Григорьевым и другими знаменитостями из мира журналов, Страхов выбирает «прикладную этику» эпохи — стезю публициста, литературного критика,

⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 38–39.

казалось бы, уходя от вечных истин к вечным русским вопросам — кто виноват и что делать. Он становится почвенником, органицистом, подобно многим находит в русской литературе истинную основу для философствования. При этом сохраняет приверженность просвещению и западному рационализму. Как остроумно заметили И. А. и А. Д. Майданские: «В личности и творчестве Страхова, быть может, полнее и чище, чем в ком-либо из его современников, нашел свое выражение наш национальный философский “архетип” XIX столетия, от православного вершка до гегельянского корешка»⁷.

Страхов излагает философию в письмах, отдавая дань традиции, делая их похожими на учебно-методические тексты историко-философского характера; становится популярным и востребованным критиком, вполне вписываемым в орбиту бурной петербургской журнальной жизни.

Уход в публицистику был особенным моментом в интеллектуальной жизни любого молодого человека того времени; через нее русская интеллигенция обретала лидирующие позиции в борьбе за умы и общественное мнение. Журналы оказались не только «флажками», указывающими направление и путь к светлому будущему, но и совестью, проповеднической площадкой, полем битвы за истину, добро и красоту практически во всем обществе. Они не просто управляли общественным мнением, они его создавали, были «властителями дум».

Когда Толстой призывал Страхова быть чистым философом и упрекал в тяге к критике и журналистской работе, он обозначал лишь свою позицию и свой взгляд на то, что происходило в России, но никак не отражал установок самого Страхова, весьма органично вписанного в журнальные баталии того времени.

Жизнь Страхова предстает перед нами как амальгама самых разных черт деятельности, мышления, профессиональной и творческой работы. Взятые отдельно, они не позволяют увидеть его мир как «целое». Легче всего назвать его нецелостным, противоречивым и дать негативное заключение о личных или профессиональных качествах. Но сам Страхов точно заметил, что негативность без позитивности и последующего синтеза неизбежно заканчивается нигилизмом и тотальным отрицанием уже не отдельных черт, но и человека как такового. Сознаюсь, мне долго не удавалось уловить стержень этого человека, несмотря на то, что когда-то я его вроде бы нашла в самой сути переходной эпохи⁸.

Холостяк, который жил жизнью «монаха», похожей на житие, если бы не вполне человеческая тяга к пикантным историям и подробностям из грешной жизни окружающих. Бездомность и одновременно поиск «семьи» и привязанности к друзьям и даже недругам. Одиночество

⁷ Наст. издание. С. 759.

⁸ См. наст. издание. С. 715.

и нужда и самодостаточность библиофила, все деньги тратившего на редкие книги из самых разных областей знания и собравшего библиотеку из 12,5 тысяч томов.

Сильный философ, не создавший никакого систематизированного учения. Успокаиваем себя тем, что в России никто не создал никаких систем; да и возможно ли это в стране, где, по словам того же Страхова, язык философии — немецкий, политики — французский, а общества — английский. Поэтому «мир наших понятий во многих и самых важных своих частях есть мир наносной и чужой»⁹. Говорить полноценно и по-русски можно было лишь о литературе и через нее.

Он жалуется на свою созерцательную пассивную натуру, но живо печется об издательствах и изданиях, своих и чужих, работает в двух местах, выполняет множество просьб и поручений, добывает деньги для одних и корректирует рукописи других, путешествует и часто навещает имения друзей. Пишет тщательно и с усердием, оттачивая стиль, взвешивая каждое слово, стремясь если не решить, но хотя бы правильно поставить проблему. При этом бесконечно горячо «борется с Западом» за сохранение вековых русских ценностей.

По вторникам он регулярно ходит в гости, а по средам зовет к себе, в свою съёмную скромную квартиру, угощая «Владимиром Соловьёвым» и черным чаем такой крепости, что два стакана напитка, «развязывающего языки»¹⁰, мало кто способен был выпить зараз.

Даже его внешность описывается современниками противоречиво. Е. Н. Опочинин, вспоминая о вечерах в доме А. П. Милюкова, назвал его маститым старцем, «с серьезным и строгим лицом, обрамленным густой седой бородой, с зоркими, глубоко сидящими карими глазами. Это Николай Николаевич Страхов, известный философ и критик, биограф и панегирист Федора Михайловича Достоевского, автор только что вышедшей и уже запрещенной книги “Борьба с Западом”¹¹», а Репин, напротив, отметил его детскость, доброту и сияние серых глаз.

Была в нем еще одна ипостась — он был «всепонимающим философом» и другом очень многих великих и даже гениальных людей. Энциклопедический ум, публичная библиотека, ресурсами которой могли широко пользоваться его друзья, также ему помогали быть всегда нужным и кстати. Например, для Толстого, который не только просил достать ту или иную книгу, но и нуждался в философских консультациях для реализации своих замыслов и идей. Не менее значим он был и для Достоевского,

⁹ Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб., 1890. С. 354.

¹⁰ Репин И. Е. Далекое близкое. Л., 1986. С. 352.

¹¹ О причинах этого запрета книги есть любопытная запись в воспоминаниях того же Опочинина (князь Павел Петрович Вяземский): «Официального запрета на эту книгу не было». См.: Опочинин Е. Н. Александр Петрович Милюков и его вторники. URL: http://dugward.ru/library/katalog_alfavit/opochinin.html

для которого, по меткому выражению С. Левицкого, оказался «философским информатором». Он щедро делился своими знаниями, был нужным друг и одновременно прекрасный собеседник, самобытно мыслящий и деликатно ведущий себя человек.

Страхов настолько колоритен, внутренне противоречив, интимно-само-разоблачителен (например, в письмах к Толстому), что немудрено, что он мог оказаться прототипом многих литературных героев. В нем исследователи увидели и Евгения Павловича Радомского (В. Я. Кирпотин), и Михаила Ракигина (В. А. Туниманов, С. А. Кибальник), и даже умного чёрта-Ивана Карамазова (Д. И. Чижевский, А. В. Тоичкина). Знакомые черты исследователи обнаружили в образе профессора Сергея Кознышева из «Анны Карениной»; все помнят знаменитую запись сна Толстого про «чудный сюжет», соединивший Грушеньку (героиню «Братьев Карамазовых») и Н. Н. Страхова.

Страхов не был из числа бунтарей и оппозиционеров; в нем, безусловно, было что-то умственное и отвлеченное («семинаристское»), на что ему не раз указывал Л. Н. Толстой; возможно, именно это и стало подлинной причиной последующей драмы — психологического конфликта с Достоевским. В нем было очень много хорошего, но Достоевскому, как мне кажется, очень не хватало искренности в их взаимоотношениях, а Страхову не хватило авторитета или подлинного уважения к своему выдающемуся другу и его таланту. Их знаменитый посмертный конфликт создает иногда чувство неловкости, сходной с «заглядыванием через плечо» читающего чужие письма. Но прошлое великих им не принадлежит, и потому история спора продолжается. При этом мало кто обращает внимание на тот факт, что «страховская» сплетня «о ставрогинском преступлении» Достоевского носила характер эпохальной «легенды» и не Страхов ее создал. Немногие замечают и факт явной человеческой слабости Страхова — его тяги к пикантным слухам и историям (но многие ли из нас ее не имеет?). «Факты» против «вымысла» этой истории блестяще продемонстрировал В. Н. Захаров еще в 1978 году.

Безусловно, очень трудно понять людей, сотканных из лоскутов противоречивых жизненных историй и обстоятельств. Поэтому самым продуктивным для потомков остается разговор не о личном, но о том, что человек оставляет после себя — о деле его жизни. Страхов очень подходит под его собственное понимание человека. Человек есть то, *что он делает*, а не то, чем он иногда бывает в минуты слабости, сомнений и кризиса. Философия — главное дело Н. Н. Страхова.

Хорошо известно, что русский философ был ярким борцом с утилитаризмом, и с русским, и с западным. Когда-то он сошелся с Толстым, критикуя «миллевскую женщину» и очень по-русски сетуя на излишний рационализм западных «дураков и тупоголовых идиотов» (подобные инвективы были в ходу у русских философов) — апологетов эмансипации,

не принимая их позиции только за то, что захотели приравнять женщину мужчине в юридических правах и этических возможностях. Рассуждение о женщине из уст холостяка Страхова выглядело бы весьма странно, как точно заметили исследователи наследия Достоевского (например, В. Н. Захаров, В. А. Туниманов и др.), если бы не оказалось, что у него был мощный единомышленник и семьянин — Л. Н. Толстой.

Примерно в таком же духе он критикует позицию П. Л. Лаврова, который пишет о счастье как главной цели в жизни человека. Неожиданно высмеивает «утилитарного» Н. Г. Чернышевского и его «бесцельных счастливых людей». Все это строго в соответствии с «новым типом рациональности» (Н. П. Ильин), положив в основу понимания абстрактную сущность человека, а не его реальные потребности и формирующие их жизненные обстоятельства.

При этом он вроде бы на стороне трансцендентализма и отстаивает приоритет автономного разума, воли и личности. Но его «Мир как целое» легко обходится без Бога, души, другого человека и общества. Не обходится без них лишь жизненный мир самого Страхова.

Его мысль о человеке остановилась на классической (заметим, западной) идее созерцательной личности, разработанной Фихте и Шеллингом, которых он весьма высоко ценил¹². Говоря о человеке и о себе как наблюдателе, Страхов следовал немецкой традиции. Для него созерцание — важная сторона нашей духовной жизни, в основе которой лежит продуктивное воображение, необходимое и художнику, и мыслителю, поскольку без мыслеобразов нет постижения истины. В «Воспоминаниях» о Достоевском он прямо пишет об этой важной способности писателя, разворачивавшего идеи не в абстрактной словесной форме, но умевшего виртуозно «мыслить образами». Они же вызвали размышления о природе творчества и воображения.

Страхову близка гегелевская диалектика опосредованного и непосредственного в нашем постижении мира. Но если для Гегеля непосредственность относится, прежде всего, к форме нашего знания, содержанием которого является работа ума, то Страхова интересует присутствие непосредственности в самом продуктивном творческом воображении, которая открывается нам за указанной формой. Об этом он пишет в своих психологических поздних трактатах («О вечных истинах», «О спиритизме»), где, кстати, использует категорию интеллектуальной интуиции, чем-то напоминающую знаменитое «сцепление» Толстого.

Знаком Страхов и с теорией Фихте о продуктивной и репродуктивной деятельности воображения, которая ведет либо к уникальному творческому

¹² См.: Переписка А. А. Фета с Н. Н. Страховым (1877–1892) / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. П. Генераловой // А. А. Фет и его литературное окружение. Книга 2 / Ред. Т. С. Дивесман. М.: ИМЛИ, 2011. С. 248–249.

акту, либо к подражаниям и симуляции. Во многих письмах к Толстому, вроде бы принижая себя рядом с гением, он методически проводит эту фикштеанскую дифференциацию, рассуждая о разнице между видами их интеллектуальной детальности: Толстого — активно-созидательной, его — пассивно-отражательной¹³.

Здесь я хочу сделать вторую обещанную ремарку — о теме «влиятельный», или, как остроумно заметил В. С. Соловьев, об «оригинале и списке»; теме чрезвычайно важной и весьма запутанной в нашей интеллектуальной истории. Исследователи много внимания уделяют доказательствам влияний/заимствований мыслителей друг на друга. Сам Страхов, например, вел нешуточный бой с Соловьевым за обоснование самобытности идей Н. Я. Данилевского, доказывая их оригинальность и независимость от концепции Г. Рюккерта и т. д.

А что, собственно, значит чужая мысль или чужие образы в составе своей? Что значит мыслить оригинально и самобытно, возможно ли такое в принципе в человеческом мире. Обопремся в размышлениях на позицию М. Мамардашвили, который пристальное внимание уделил такому понятию, как «интермитирующее Я», или перемежающееся бытие. По сути, оно представляет собой со-бытие (бытие разных сознаний), существующее по каким-то универсальным законам культурно-символического сопряжения и порождающее, с одной стороны, уникально возникшую — мою мысль, идею, образ, а с другой стороны, оказывающуюся схожей с мыслями, идеями и образами других — связанных, но зачастую — никак не связанных со мной (ни временем, ни пространством, ни культурой) людей¹⁴.

Человек, погруженный в мир культуры, не может быть не подвержен влияниям извне и изнутри, будь то знаки, образы, идеи или символы, так как вся его жизнь есть продукт культурно-исторического развития и общения с окружающим миром. Как говорил Толстой, всякая мысль (как и всякий человек), взятая отдельно, страшно «принижается» и не позволяет нам постичь высказывание/идею в целом. Толстовское сцепление как универсальный метод схватывания смысла жизни, соединение самых разнообразных ситуаций и состояний в одно неразрывное начало текста вполне коррелируется с «интермитирующим Я» Мамардашвили. Сцепление вполне символично и предстает у писателя в образе круга или шара, «у которого нет конца, середины и начала, самого главного или неглавного, а все начало, все середина, все одинаково важно и нужно»¹⁵.

¹³ См.: Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: в 2 т. / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; сост. Громова Л. Д., Никифорова Т. Г.; ред. Донсков А. А. [М.: Оттава], 2003.

¹⁴ См.: Мамардашвили М. Как я понимаю философию // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 17.

¹⁵ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полн. собр. переписки. Т. I. П. 102. С. 235.

Все со всем связано и переплетено — чувства, мысли, образы, состояние душ. И в этом «лабиринте сцеплений» (В. А. Туниманов) мы опять возвращаемся к «Миру как целому» и к Н. Н. Страхову.

То, что Страхов уделяет главное внимание критике, ограничивая свои философские интересы, — не случайно. Возможно, он понимал, что на последнем поприще не сможет достичь вершин, сопоставимых с эстетическим созерцанием художника. Поэтому эстетическое начало и оказывается у него определяющим в создании нового, в подлинном творчестве. Так или иначе, но ему удалось стать одним из значимых литературных критиков наряду с Толстым, Белинским или Добролюбовым. (Этот факт подчеркивает Ф. М. Достоевский в своем письме Страхову.) О «единстве противоположностей» писателя и критика косвенно говорит их уникальная четвертьвековая переписка (см. статью И. Паперно в наст. антологии). А критика в России того времени действительно выполняла функции философии, которой была лишена исторически.

То, каким для нас предстал человек после Достоевского и Толстого, прекрасно иллюстрирует продуктивность творческого воображения, сформированного в том числе и благодаря их многолетнему общению с Н. Н. Страховым. Например, в «Мире как целом» мы узнаем, что «жизнь не только есть самоудовлетворение, но и саморазрушение, самонедовольство»¹⁶, и в этой фразе схвачена суть характера «подпольного» человека у Достоевского (см. работы А. С. Долинина, Н. В. Снетовой и др.), как впрочем, и других его парадоксалистов. Эта книга много дала и Толстому, став «недостающим звеном» (см. статью Донна Орвин) между двумя великими русскими писателями.

В то же время эта книга обнажила и страховские лакуны понимания жизни, связанные с замалчиванием разговора о духовном — религиозном ядре в ней, без которого жизнь теряет свою человеческую уникальность и колорит (по крайней мере, для мыслителей того времени). Страхов только стоял на пороге нового религиозного сознания, так и не переступив его. Впрочем, некоторые исследователи считают иначе (о специфике религиозности Страхова см., например, интересные наблюдения в работах В. А. Фатеева).

В заключение хотелось бы выразить сожаление и признательность. Сожаление по поводу того, что много прекрасных текстов, посвященных Страхову и его эпохе, по разным причинам не смогли войти в антологию. Признательность же хотелось бы выразить, прежде всего, Библиотеке-музею Н. Н. Страхова, созданной при Белгородском государственном национальном университете, ставшей мощным культурным и научным центром в Белгородской области — на исторической родине Страхова. Ее уникальный ресурс — электронный архив трудов

¹⁶ *Страхов Н. Н.* Мир как целое. С. 206.

философа и литература о нем, прекрасный библиографический указатель его трудов (составитель Г. Н. Бондарева) — наиболее действенный механизм презентации отечественной философии в современном научном мире. Слова искренней благодарности сотрудникам библиотеки-музея (Г. Н. Бондаревой, А. Г. Масалову, В. А. Монастыревой и многим другим), белгородским профессорам (Е. А. Антонову, Н. З. Бросовой, Е. Н. Мотовниковой, П. А. Ольхову и др.), много сделавшим для сохранения его наследия.

Другой центр страховедения находится на его духовной родине — в Санкт-Петербурге, и я с благодарностью упоминаю имена Н. П. Ильина, Н. И. Николаева, Н. Н. Скатова, А. В. Тоичкиной, В. А. Фатеева и других ученых, внесших огромный вклад в сохранение памяти о Н. Н. Страхове.

Хотелось бы выразить огромную благодарность авторам, не только давшим согласие на публикации в антологии, но и помогавшим советами, идеями и просто словами поддержки. Особенную признательность хочу выразить Владимиру Николаевичу Захарову, Анжею де Лазари, Ирине Ароновне Паперно, Нине Васильевне Снетовой, Александре Витальевне Тоичкиной, а также моим друзьям и вдохновителям — Андрею Дмитриевичу Майданскому и Елене Валентиновне Мареевой. Моя самая сердечная благодарность студентке Школы философии, стажеру-исследователю НУЛ трансцендентальной философии НИУ ВШЭ Марии Владимировне Федоровой и, конечно, моему сыну Игорю Климову за всестороннюю помощь и поддержку в подготовке настоящего издания.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>С. М. Климова</i> . «Мир» Н. Н. Страхова, или «Чем может быть человек?»	7
<i>В. А. Монастырева</i> . Библиотека-музей Н. Н. Страхова как культурный и научный центр: от замысла к реализации.	19

I

МЕМОАРЫ, ПИСЬМА, ОЧЕРКИ

<i>М. И. Щербакова</i> «Вместо дневника — письма к вам» (Из переписки Н. Н. Страхова с о. Иоанном Сквивским)	27
<i>Н. Н. Страхов</i> <Предисловие к «Воспоминаниям и отрывкам»>	38
Воспоминание о поездке на Афон (1881 г.)	38
Комета	51
«В тиши моей жизни ничтожной...»	52
<i>А. И. Опульский</i> Неизданные письма Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову	53
<i>Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому</i> 17 ноября 1879 г. Санкт-Петербург	59
<i>Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову</i> 19...22 ноября 1879 г. Ясная Поляна	63
<i>Н. Н. Страхов</i> Наблюдения (Посв<ящается> Ф. М. Д<остоевско>му)	65
<i>Ф. М. Достоевский — Н. Н. Страхову</i> 26 февраля (10 марта) 1869 г. Флоренция	70
<i>Н. Н. Страхов — В. В. Розанову</i> 18 мая 1888 г.	79

<i>Н. Н. Страхов — Н. Я. Гроту</i> СПб. 8 декабря 1895 г.	82
<i>А. А. Фет — Н. Н. Страхову</i> Степановка. Ноябрь <1877 г.>	84
<i>Н. Н. Страхов — А. А. Фету</i> Санкт-Петербург. 24 ноября 1877 г.	86
<i>А. А. Фет — Н. Н. Страхову</i> Москва, 28 декабря 1877 г.	87
<i>Н. Н. Страхов — А. А. Фету</i> <С.-Петербург>. 27 января 1878 г.	89
<i>Н. Н. Страхов</i> Несколько слов в память Фета. 9 декабря 1892 г.	91
Поминки по И. С. Аксакову	96
Текущая минута	104
<i>Б. В. Никольский</i> Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк.	108
<i>Н. Я. Грот</i> Памяти Н. Н. Страхова. К характеристике его философского мировоззрения	138
<i>Ю. Н. Говоруха-Отрок</i> Н. Н. Страхов	156
Несколько слов о Н. Н. Страхове. Б. В. Никольский. «Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк».	157
<i>В. Н. Захаров</i> Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом	165

II

ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ Н. Н. СТРАХОВА. ИХ РЕЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Н. Н. Страхов</i> Письма о философии.	177
Мир как целое	184
<i>Н. П. Ильин</i> Последняя тайна природы. О книге «Мир как целое» и ее авторе <Фрагменты>	215
<i>Н. Н. Страхов</i> Толки о Л. Н. Толстом (Психологический этюд)	221
<i>Е. А. Мирошниченко</i> «Толки о Л. Н. Толстом». К истории одной публикации	239

<i>В. В. Розанов</i>	
Идея рационального естествознания (Рецензия на книгу Н. Н. Страхова «Мир как целое. Черты из науки о природе». Издание второе. СПб., 1892)	244
Литературная личность Н. Н. Страхова.	256
<i>Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову</i>	
12 ноября, 17 декабря 1872 г. Ясная Поляна	262
<i>Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому</i>	
8 января 1873 г. Мшатка.	265
<i>А. А. Донсков</i>	
Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Эпистолярный диалог о жизни и литературе <Фрагменты>	269
<i>И. Ф. Салманова</i>	
Переписка как исповедально-диалогическое пространство русской культуры	280
<i>Н. Н. Страхов</i>	
Письма о нигилизме	293

III

ПОЛЕМИКА: СТРАХОВ — ДАНИЛЕВСКИЙ — СОЛОВЬЕВ: РОССИЯ ИЛИ ЕВРОПА?

<i>Н. Я. Данилевский</i>	
Россия и Европа	317
<i>Н. Н. Страхов</i>	
Спор из-за книг Н. Я. Данилевского.	361
<i>В. В. Розанов — Н. Н. Страхову</i>	
<После 19 июня 1888 г.>	376
<i>В. С. Соловьев</i>	
Данилевский Николай Яковлевич	385
Счастливые мысли Н. Н. Страхова. 1890.	392
<i>В. С. Соловьев — А. А. Фету</i>	
25 августа (6 сентября) 1888 г. Вирофле	399
<i>К. Н. Леонтьев</i>	
Владимир Соловьев против Данилевского <Фрагменты>	401
<i>А. Ф. Лосев</i>	
Вл. Соловьев и литературные деятели 80-х годов (А. А. Фет, И. С. Аксаков, Н. Н. Страхов).	429
<i>В. А. Фатеев</i>	
«В Страхове я вижу миниатюру современной России»: полемические заметки об отношениях Н. Н. Страхова и Вл. С. Соловьева	439
<i>В. К. Кантор</i>	
Владимир Соловьев о соблазне национализма	460

IV
ДОСТОЕВСКИЙ — СТРАХОВ — ТОЛСТОЙ

Contra

<i>Ф. М. Достоевский</i> <О Н. Н. Страхове>	477
<i>А. Г. Достоевская</i> Воспоминания	478
<i>С. Н. Булгаков</i> Русская трагедия <Фрагмент>	487
<i>Л. М. Розенблюм</i> «...Их надо обличать и обнаруживать неустанно»	489
<i>В. Н. Захаров</i> Факты против легенды	501
<i>В. Я. Кирпотин</i> Достоевский, Страхов — и Евгений Павлович Радомский <Фрагменты>	512
<i>И. Л. Волгин</i> Ещё одно обвинение против Страхова <Фрагмент>	531
<i>В. А. Туниманов</i> Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений)	534

Pro

<i>Н. Н. Страхов — Л. Н. Толстому</i> 3 февраля 1881 г. Санкт-Петербург	570
<i>Н. Н. Страхов</i> Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском	572
<i>Д. И. Чижевский</i> Чёрт Ивана Карамазова и Николай Николаевич Страхов	593
<i>А. В. Тоичкина</i> «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы»)	600
<i>Д. Орвин</i> «Мир как целое» Н. Страхова: недостающее звено между Достоевским и Толстым	614
<i>А. С. Долинин</i> Достоевский и Страхов	633

V

ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, РЕЛИГИЯ

<i>Ю. Н. Говоруха-Отрок</i> Итоги века. По поводу статьи Н. Н. Страхова «Итоги современного знания»	655
---	-----

<i>А. Де Лазари</i> В кругу Федора Достоевского. Почвенничество <Фрагменты>	662
<i>Н. В. Снетова</i> Исследования и оценки философского творчества Н. Н. Страхова	687
<i>С. М. Климова</i> На пороге диалогии культуры (на примере философских исканий Н. Н. Страхова)	696
<i>Н. П. Ильин</i> Н. Н. Страхов как метафизик	710
<i>И. А. Майданская, А. Д. Майданский</i> Философская антропология Страхова	718
<i>Е. А. Антонов</i> Понимающая философия Н. Н. Страхова	742
<i>И. А. Паперно</i> Л. Н. Толстой в переписке с Н. Н. Страховым (1875–1879): философский диалог о вере.	757
<i>Е. Н. Мотовникова</i> Славянский вопрос в философской публицистике Н. Н. Страхова	777
Комментарии	782
Указатель имен	835

Научное издание

Н. Н. СТРАХОВ: PRO ET CONTRA

Антология

Составитель

Светлана Мушаиловна Климова

Директор издательства *А. А. Галат*
Заведующий редакцией *В. Н. Подгорбунских*
Корректор *С. А. Авдеев*
Верстка *Т. О. Прокофьевой*

Подписано в печать 15.03.2021. Формат 60×90¹/₁₆
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 53,25. Тираж 300 экз.
Зак. № 401

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75
E-mail: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134